

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

УДК 94(474.5)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
СОВЕТСКОГО
ПРОШЛОГО:
УСТАНОВКИ
И ДЕЙСТВИЯ
ЛИТОВСКИХ ЭЛИТ

*И. Матоните**

В посткоммунистической Литве различные группы политической элиты предлагают разные интерпретации советского прошлого. И через двадцать лет после распада СССР, за исключением консервативных и не разделяющих ностальгические взгляды лидеров (вкуне с некоторыми популистами), среди литовских политиков нет единого мнения о советских политических и общественных реалиях и установках. Тем не менее консерваторы весьма последовательны в своих взглядах на прошлое и готовы к активному превентивно-дидактическому принятию решений. Среди социал-демократов, либералов и популистов существуют значительные внутренние разногласия, но в целом они характеризуются умеренным отношением к советскому прошлому и методам управления. В то же время данное исследование (представляющее собой анализ принятых законов и государственной политики, а также установок политических элит) позволяет сделать вывод о том, что «антиностальгическая» негативная оценка советского общественного опыта, критическое отношение общественности и попытки устранить советское наследие из государственных практик являются доминирующими элементами осмысления советского прошлого в Литве. Более мягкая позиция в отношении советского прошлого и построенных в советские времена карьер не находят отклика среди большинства представителей литовских элит.

* ISM университет управления и экономики.
01129, Литва, Вильнюс, ул. Аркляу, 18.

Поступила в редакцию 11.03.2013 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-3-9

© Матоните И., 2013

Ключевые слова: политическая элита, память, антиностальгические настроения, коллективная идентичность, советское прошлое

Введение: политические инициативы и историческая память

Историческая память становится все более важной категорией анализа для историков, социологов, культурологов, маркетологов и политологов. Нарратив и представление — два основных компонента памяти — позволяют интерпретировать элитарную и популярную культуру, помогают массам и политическим лидерам осмыслить прошлое и предвосхитить будущее, способствуют формированию общественных идентичностей и выводят общественную сферу на транснациональный уровень.

Ученые по-разному объясняют всплеск интереса к прошлому, памяти и ностальгии в различных социальных сферах — от продвижения продуктов потребления, популярной культуры, дизайна до выплаты компенсаций, принесения официальных извинений и других форм корректировки внутренней и внешней политики. В этом контексте говорится о том, что национальное государство перестает быть единственным и доминирующим носителем коллективной идентичности, о невеличии в прогрессе, о развитии мультикультурализма и признаках постмодернизма в целом.

Высказывалось и мнение о том, что память — это новая парадигма истории, преобладающая над другими системами координат, например классом и гендером [17]. Падение коммунизма и последующие социальные трансформации стали ключевыми историческими событиями, обусловившими возрастание политического и научного интереса к изучению памяти. В посткоммунистической Европе, частью которой является и Литва, текущие проблемы, а также успехи, перспективы, разочарования и надежды заставляют людей переосмысливать недавнее прошлое. В результате политические элиты региона оказывают влияние на формирование исторической памяти. Демократическими режимами соблюдаются принципы свободы совести, слова и собраний, а также свободных и честных выборов посредством создания условий, необходимых для возникновения исторической памяти, аналитически отличной от идеологии, пропаганды и «полуправд».

Историческая память — это форма социальной памяти, для которой характерно формирование субъективного представления о событиях прошлого определенной группой. Историческая память способна узаконить или поставить под сомнение принятые решения, преподать урок, подтвердить притязания, укрепить идентичность и вдохновить на действие — что обычно и происходит в угоду реализации политических или социальных целей. Важно отметить, что ни в одном обществе не существует единой исторической или коллективной памяти. Историй и установок по поводу прошлого так же много, как и социальных или политических групп, стремящихся к власти.

Таким образом, целесообразно изучить акторов и практическое использование элементов прошлого в конкретных политических целях. Как справедливо замечает Хайслер, «текущая политика интерпретации прошлого имеет дело с историей, задействует память и может затраги-

вать некоторые аспекты идентичности, но в реальности она является практической деятельностью, осуществляемой в настоящий момент» [5, с. 201]. Схожее мнение метко и в духе Макиавелли высказывает Ф. Кратохвил: «...политика — это в сущности практическая деятельность, так как она имеет дело с принятием нужного решения в нужное время, ввиду определенных исторических обстоятельств» [6, с. 6]. Хайслер приходит к выводу о том, что исследовательская задача заключается «в меньшей степени в выделении исторически обоснованной критики определенных позиций и ключевых структур памяти об исторических событиях и в большей степени в изучении практического использования элементов прошлого в текущих политических целях» [5, с. 201].

Историческая память, связанная с национальными и культурными травмами, — особое поле столкновений между сообществами и внешним миром (например, в начале 90-х гг. XX в. литовская диаспора в США демонизировала советскую номенклатуру), привилегированными и непривилегированными группами, носителями определенных ценностей или политических идентичностей и их противниками. Смелсер определяет культурную травму как воспоминание, признанное членами соответствующей группы и относящееся к событию (или ситуации), вызывающему негативные эмоции, представляемому неизбежным, а также воспринимаемому угрожающим самому существованию общества или нарушающим одно или несколько базовых культурных положений [11]. Преодоление культурной травмы требует «понимания, объяснения и приведения в соответствие с общественным мнением и дискурсом» [4, с. 2]. В нашем случае культурной травмой стала пятидесятилетняя инкорпорация Литвы в СССР.

Отдельные культурные травмы прошлого могут привести к появлению положительных и этически значимых историй, способствующих интеграции сообществ. Такие нарративы и институциональные структуры развиваются со временем, отражая изменения социальных, экономических, политических и иных условий и политических нужд. Обновление и пересмотр нарративов и институциональных структур, связанных с интерпретацией прошлого, в большинстве случаев осуществляются элитами. Формальные и неофициальные политические лидеры играют важную роль в создании и пересмотре этически значимых исторических событий. В действительности они и считаются политическими лидерами отчасти потому, что озвучивают определенные точки зрения [12, с. 42—43].

Политические элиты, тем не менее, сталкиваются с неприятной задачей — постоянной необходимостью интерпретировать сомнительные с моральной точки зрения главы прошлого. По-видимому, политическая идентичность, содержащая в себе как положительные, так и отрицательные исторические элементы, окажется скорее привлекательной, нежели отталкивающей для широких масс [12, с. 160]. Однако положительное отношение к урокам прошлого амбивалентно. Нет никакой гарантии, что лица, сотрудничавшие с советским режимом, и те, кто пытался находиться в стороне, тем самым делая возможным существование советской системы, в условиях посткоммунистического государст-

ва окажутся способными противостоять искушению обеспечить себе успешную карьеру за счет разложения моральных устоев общества. Бауман подчеркивает, что четкое представление о зле и осознание того, что морально невообразимое возможно, делают его более вероятным [1]. В посткоммунистических обществах лицемерие повсеместно, и ложь (в тех случаях, когда уже нельзя замалчивать) оказывается наиболее рациональным способом обращения с нелицеприятными фактами. Парадоксально, что положительное представление о себе может сохраняться и при нарушении принципов, на которых оно зиждется. Элиты лгут, стремясь убедить в своей добродетели ведомых ими. В результате «они лгут не только другим, но и себе, своими уловками драпируя наименее приглядные черты созданного ими мира» [16, с. 42].

Нагруженное конфликтами прошлое использовалось в общественном дискурсе и политическом соперничестве в Литве на протяжении двадцати лет, прошедших после распада советской системы. Основное внимание автором уделяется риторической функции прошлого. Исследование институционального оформления, призванного «упорядочить» сферу памяти, и анализ установок кандидатов в депутаты (выборы в Сейм в 2008 г.) показывают, что политические проекты, касающиеся советского прошлого, являются важной частью политического капитала стремящихся занять позицию законодателя. Действительно, в литовской политике увеличение временного промежутка между данным моментом и советским периодом (связанным с культурной травмой) не уменьшает объема и глубины политического значения советского прошлого. Напротив, временной фактор обладает еще одной — циклической — чертой: проблемы советского прошлого становятся обязательной темой общественного обсуждения в ходе предвыборных кампаний, так как последние в демократических странах — очень активный регулярный период непрерывной политической коммуникации и политической мобилизации, вызывающий общественный резонанс и повышенное внимание СМИ. Часто говорится о том, что успех любой предвыборной кампании зависит от производимого ею мобилизационного эффекта. Политическая мобилизация, темы, приемы и «ловушки» играют важную роль в литовской политике: например, опросы общественного мнения показывают, что более трети литовских избирателей принимают решение за кого голосовать в ходе предвыборных кампаний [20]. Многолетние данные свидетельствуют о том, что доля таких избирателей с годами растет [13, с. 15].

Четыре модели дискурса в осмыслении советского прошлого в Литве

Индивидуальные и групповые воспоминания, равно как и индивидуальные и групповые идентичности, являются результатами активного созидания, а не пассивного наследования. Посредством избирательного запоминания и забывания люди создают из случайного массива человеческого опыта последовательные версии прошлых событий, в совокупности определяющих настоящее и служащих ориентирами для буду-

щих действий [2]. В отношении дискурсивных практик М. Великонья предлагает типологию способов интерпретации десятилетий жизни при советской власти гражданами стран Центральной и Восточной Европы (далее — ЦВЕ) [15].

Один из вариантов отношения к прошлому — это его отторжение (антиностальгия). В Литве, как и большинстве стран ЦВЕ, в общественном дискурсе коммунистический период преимущественно вычеркивается, заглушается. Новые националистические, либеральные и консервативные идеологии возникают и развиваются на почве абсолютного осуждения всего того, что связано с советским периодом. Количественный топографический анализ дискурса, основанный на данных текстового хранилища литовского языка (включающего в себя тексты объемом в несколько миллионов слов, опубликованные в 1994—2003 гг.), показывает, что некоторые ностальгические понятия («коммунистическая модель», «возврат к прошлому», «старые добрые времена», «советская система» и др.) встречаются только в литовской беллетристике и публицистике преимущественно в юмористическом контексте [7, с. 406].

Антиностальгические установки обращены против конформизма и пассивного эскапизма тех, кто не может (или не хочет) адаптироваться к новым условиям и предпочитает жить вчерашним днем. В посткоммунистической Литве принят ряд политических инструментов, обслуживающих именно эти установки. В начале 1990-х гг. литовский Сейм утвердил несколько законопроектов, касающихся правоприменительной практики советского периода и периода реформирования правовой системы: закон о реституции недвижимости, закон о люстрации, лишивший лиц, сотрудничавших с советским режимом, возможности занимать высокие посты в государственной и образовательной системах независимой Литвы¹; поправки к закону о выборах, которые обязуют кандидатов информировать избирателей о сотрудничестве с КГБ, 13 июня 2000 г. был принят закон о компенсации ущерба, нанесенного советской оккупацией², и т. п.

¹ Комиссия по люстрации в Литве была создана в начале 1990-х гг. и осуществляла свою деятельность согласно ст. 4 Закона о люстрации, запрещающего лицам, сотрудничавшим с КГБ, занимать высокие государственные посты, а также ключевые должности в сфере образования (действующая версия закона была принята в 1999 г.). Комиссия состояла из пяти членов (один делегировался генеральным прокурором и по двое — Департаментом государственной безопасности и Центром исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы), которые утверждались Сеймом, была подотчетна директору Департамента государственной безопасности и действовала как общественная организация (труд ее членов не оплачивался), контролирующая исполнение Закона о люстрации, т. е. представляла государство в ходе судебных разбирательств в случае, если подсудимый отрицал факт сотрудничества с советскими спецслужбами. Комиссия прекратила свое существование в 2010 г., так как законом установленный срок моратория длился до 2009 г.

² Кажется вполне естественным, что литовские консерваторы (стоявшие во главе Министерства иностранных дел правительственной коалиции) в начале избирательной кампании 2012 г. возобновили дипломатические попытки, нацеленные на исполнение именно этого закона. Из преамбулы закона следует,

Значительный вклад в усиление антиностальгических настроений в стране внес Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы, основанный в начале 1990-х гг. (его директор историк Даля Куодите во время первого депутатского срока (2008—2012 гг.) была членом фракции «Саюдис»).

Посредством публикаций, проведения конференций и публичных заявлений в литовский академический и общественный дискурс вошли понятия виктимизации, исторической травмы, психологии переноса и т. д.

Второй вариант отношения к советскому прошлому — это амнезия, то есть замалчивание всего, что случилось до падения советского режима. В этих странах в общественном дискурсе зачастую встречаются соответствующие метафоры: «рассвет нации», «демократическое пробуждение», «(запоздалая) европеизация», «новое начало» и т. д. Иногда социал-демократический дискурс в ЦВЕ придерживался стратегии амнезии, чтобы избежать стигматизации коммунистического режима, базировавшегося на радикальной версии социал-демократических ценностей. Тактикой амнезии также пользуются в ЦВЕ стремящиеся к власти представители политических течений: многие из них были так или иначе связаны с коммунистическим режимом, поэтому некоторые опущения в биографии снижают их политическую уязвимость и помогают занимать ключевые посты [8]. Очевидно, что в контексте доминирования антиностальгической модели в регионе амнезия не затрагивает диссидентскую и другую антисоветскую деятельность. Тем не менее при значительной разнице в объемах предаваемого забвению (сотрудничество с советским режимом) и прославляемого (антисоветское сопротивление) в Литве не утихают споры по поводу исторической памяти и примирения, а шансы обойти спорные моменты личных биографий политиков минимальны (в своей предвыборной кампании 2009 г. президент Литвы Даля Грибаускайте безуспешно пыталась применить стратегию амнезии в отношении своего обучения политэкономии в Ленинграде в 1970-х гг. и карьеры в Вильнюсской высшей партийной школе в 1980-х гг.).

Третий метод, используемый посткоммунистическими обществами в отношении прошлого, — это исторический ревизионизм, который сводится к переосмыслению советского прошлого как абсолютно чуждого ЦВЕ (и России в том числе) явления или к признанию положи-

что согласно Конституции Литовской Республики ни один государственный орган или чиновник не может отрицать ответственность России за оккупацию, так как закон основан и нацелен на исполнение соответствующего решения национального референдума от 14 июня 1992 г., требующего взыскания репараций за советскую оккупацию. Снять эту ответственность может только решение другого референдума. Для обеспечения приемлемости и правомерности ответственности другого государства при отсутствии требуемых действий со стороны России необходимы значительные усилия. Таким образом, закон обязует правительство Литвы настаивать на компенсации ущерба Россией, нанесенного советской оккупацией [18, с. 52—53].

тельного модернизирующего влияния советской системы на до того аграрные регионы. Некоторые ревизионисты утверждают, что советский режим и советская система были внедрены небольшой группой (местных) большевиков, чья власть зиждилась на терроре и репрессиях в отношении большинства населения или — в случае прибалтийских государств — были установлены в результате международного заговора, ссылаясь при этом на секретный протокол Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом 1939 г.³

Другие ревизионисты пытаются оправдать просоветскую деятельность литовских граждан, родившихся в 40—50-х гг. XX в., отсутствием других возможностей полноправного исполнения социальных функций, за исключением сотрудничества с присланными из Москвы специалистами.

Наконец, четвертый подход к советскому прошлому — это ностальгия, далекое от всякой критики превозношение советских времен и практик, независимо от их истинного содержания. Социологические опросы выявляют наличие ностальгических настроений в ЦВЕ с самого начала переходного периода. К всеобщему удивлению в Литве по результатам парламентских выборов 1992 г. к власти (снова) пришли бывшие коммунисты. Социолог Гайдис показал, что политические предпочтения литовских избирателей можно довольно точно предсказать по их отношению к советскому периоду: считающие, что «в советские времена жизнь была лучше», гораздо более склонны голосовать за партию экс-коммунистов (социал-демократов), чем те, кто не согласны с данным суждением и голосуют за националистские, либеральные или консервативные партии [3]. В то же время, как указано выше, литовская социал-демократическая партия публично придерживается анти-ностальгической и «амнистической» модели коллективной памяти, поэтому тем более удивительным кажется тот факт, что данная партия ассоциируется у избирателей с советской ностальгией.

Для более точной характеристики парадокса советской ностальгии в Литве необходимо помнить, что ни одна литовская партия не призывает напрямую к ностальгическим чувствам в попытке заручиться поддержкой избирателей. Тем не менее на основе опросов общественного мнения политолог Рамонайте заявляет, что литовцы, ностальгирующие по советским временам, тяготеют к прагматическим, а не нормативным политическим курсам [10]. К тому же они занимают менее моралистическую позицию по отношению к политикам и госслужащим. Ностальгирующие литовцы выделяются своими партийными предпочтениями, но не обязательно голосуют за социал-демократов, представленных экс-коммунистами, они также часто поддерживают популистские партии [10, с. 101]. То есть ностальгические настроения особенно распространены среди наиболее уязвимых социальных групп. По сути, такие настроения являются ретроспективной утопией, надеждой и желанием жить в безопасном мире, справедливом обществе и достатке. Советская

³ Имеется в виду протокол пакта Молотова — Риббентропа.

ностальгия как таковая оказывается не столько идеологической попыткой прославления советского прошлого, сколько аморфным желанием не иметь дела с зачастую проблематичным настоящим.

В то же время направленная снизу вверх ностальгическая культура по причине значительной эмоциональной нагрузки широко используется в целях образования новых коммерческих ниш, завоевания популярности, а также как источник творческого вдохновения и т. п. [14].

Стоит подчеркнуть, что новые дисциплины, занимающиеся исследованием визуального, распространяют понятие дискурса на публичную сферу, где проблемы не только формулируются и обсуждаются, но и представляются визуально, и на передний план выводятся их эстетические, психологические и эмоциональные аспекты. Способность к зримой и незримой интерпретации мира — это особая форма власти. С помощью закона, запрещающего использование советской символики в общественных местах, Литва предприняла попытку сократить визуальное поле ностальгической культуры политическими методами. Литовский кодекс административных правонарушений запрещает публичную демонстрацию советской (и нацистской) символики, а также продажу содержащих такую символику изделий, если они не являются антиквариатом.

То, какая именно версия советского прошлого формируется в общественном дискурсе, социальных практиках и культурном наследии и в какой мере, зависит от многих факторов и говорит о структуре и тенденциях литовского общества. В любом случае, память о советском периоде — важный инструмент для обычных граждан и, тем более, политических элит, чьи интерпретации прошлого постоянно меняются и влияют друг на друга.

Идеологические расхождения элит

Литовские элиты прекрасно осознают, что память может быть инструментом политической борьбы. Политические лидеры с удовольствием используют институциональные возможности переосмысления недавнего прошлого. Поэтому неудивительно, что сфера памяти становится площадкой для активных и структурированных политических дискуссий.

В исследовании моделей политических дискуссий в сфере политического переосмысления советского прошлого мы опирались на данные литовского сайта www.manobalsas.lt. Сайт, разработанный по примеру швейцарского (www.smarvote.ch), существует с 2007 г. и предлагает анкеты для тех, кто хотел бы проверить, насколько их взгляды совпадают со взглядами представителей поддерживаемой партии. Отдельная анкета готовится к каждому выборам (парламентским 2008 г., европарламентским 2009 г., президентским 2009 г., парламентским 2012 г.). Применяется шкала измерения, насколько респондент согласен (или не согласен) с одним или другим способом политического управления исторической памятью (4 — да, безусловно, так; 3 — больше да, чем нет; 2 —

больше нет, чем да; 1 — определенно нет) [9]. Приведем пример отношения элит к советскому прошлому: к бывшим сотрудникам и резервистам КГБ, к запрету советской символики и открытому доступу к архивам КГБ⁴. Интересно отметить, что вопрос о резервистах КГБ (факт их включения в предвыборные списки) стал особенно актуальным (политически чувствительным) в ходе предвыборной кампании 2012 г.

Исследование показало, что политики имеют твердые убеждения по поводу советского прошлого. Чаще всего ответ «у меня нет определенного мнения» (11 из 333) давался на вопрос о запрете советской символики. На остальные вопросы приходилось только по 2—4 ответа такого типа.

Консерваторы⁵ настаивают на более негативном отношении к советскому прошлому и открыто поддерживают строгие превентивные политические меры в сфере коллективной памяти.

Довольно строгой позиции придерживаются и представители популистского лагеря⁶ (в 2008 г. — ТТР и ТРР, в 2012 г. активисты бывшей ТРР объединились с либералами). Однако эта позиция не разделяется представителями ведущей партии популистской группы (DP). Члены партии DP сильно расходятся во мнении по этому поводу, в связи с этим партия не проявляет определенной позиции по вопросам памяти. Несколько неожиданным оказалось то, что большая часть литовских политиков-популистов довольно последовательна в поддержке запретительных мер как в отношении общего осуждения, так и люстрации сотрудничавших с советским режимом.

Отношение социал-демократов⁷ к советскому прошлому умеренное, они редко высказывают однозначные мнения и не ведут активной полемики против люстрации, рассекречивания советских архивов и за-

⁴ Вопросы звучали следующим образом:

1. Согласны ли вы с тем, что существует необходимость ограничения возможностей трудоустройства лиц, сотрудничавших с советскими спецслужбами (КГБ), в сфере госслужбы и образования? (Соответствующий закон был принят в 1990 г.)

2. Согласны ли вы с тем, что резервистам КГБ должно быть запрещено занимать высокие государственные посты? (В 2007 г. предпринимались попытки принятия такого закона, тем не менее ни одна из них не была поддержана парламентским большинством.)

3. Поддерживаете ли вы запрет на советскую символику? (Соответствующий закон был принят в 2008 г.)

4. Согласны ли вы с тем, что необходимо обеспечить полный доступ к архивам советских спецслужб?

⁵ Консерваторы: партия «Союз Отечества» — Литовские христианские демократы (TS — LKD), Центристская партия (LCP) и националистская партия «Молодая Литва» (JL); в 2008 г. N = 75.

⁶ Популисты: Партия труда Литвы и ее молодежное подразделение (DP), Партия национального возрождения (TRP) и партия «Порядок и справедливость» (TTP); в 2008 г. N = 67.

⁷ Социал-демократы: Социал-демократическая партия (LSDP), политическая партия «Frontas» и Союз социал-демократов Литвы (LSDS); в 2008 г. N = 53].

претов на публичную демонстрацию советской символики. Примечательно, что кончина лидера литовских социал-демократов Альгирдаса Бразаускаса (1932—2010), бывшего первого секретаря Коммунистической партии Литовской ССР, не стала поводом для пересмотра (радикализации) социал-демократической элитой умеренных взглядов на советский период в ходе кампании 2012 г.

Либералы⁸ также не особенно активны в поддержке запретительных мер и редко высказывают радикальные мнения по этому поводу. Не проявляют они и ожидаемой дихотомии во взглядах на запрет на советскую символику, чем в некотором роде выражают недовольство существующим законом. В этом отношении литовские либералы близки к социал-демократам.

Только кандидаты от партии «Новый союз» (NS) в 2008 г. дали однозначно негативные ответы по всем четырем пунктам. Их последующая неудача на выборах 2008 г. может частично объясняться их отношением к советскому прошлому, так как их взгляды (терпимые, амнестические) не нашли поддержки у литовских избирателей. Показательно, что в 2012 г. NS объединился с партией DP и стал более критически отзываться по данному поводу.

В целом в 2008 и 2012 гг. прослеживались определенные партийные модели в распределении установок политиков по поводу прошлого и его влияния на современную литовскую политику. Литовские консерваторы и некоторые популисты придерживаются довольно последовательной антиностальгической позиции. Но при этом амнестическое отношение к советскому прошлому у них встречается довольно редко. Остальные литовские партии не имеют столь четкой идеологической или дискурсивной структуры. Социал-демократы и либералы довольно спокойно относятся к вопросам исторической памяти. Либералы проявляют несколько консервативные (антиностальгические) предубеждения, но они не поддерживают такие меры, как запрет на публичную демонстрацию советской символики. Ни либералы, ни социал-демократы не склонны ни к историческому ревизионизму, ни к амнезии в отношении советского прошлого. В основе позиции социал-демократов лежит уверенность в благотворном влиянии примирения групп, имеющих разное прошлое и непростое отношение к советскому режиму. Либералы пытаются акцентировать внимание на длительном периоде времени, прошедшем с тех пор, и утверждают, что специально принятые запретительные законы рано или поздно уйдут в прошлое. Литовских популистов характеризует широкий спектр мнений по поводу советской символики, архивов КГБ и законов о резервистах и лицах, сотрудничавших с КГБ. Тем не менее лишь немногие из них открыто поддерживают запрет на советскую (и нацистскую) символику и высказываются против полного доступа к секретным архивам. Многие популисты, подобно консерваторам, считают необходимыми законодательные ограничения для лиц, сотрудничавших с советским режимом.

⁸ Либералы: Движение либералов Литовский Республики (LRLS) и Союз либералов и центра (LiCS); в 2008 г. N = 77].

С одной стороны, посткоммунистические литовские элиты довольно строги в вынесении вердиктов и признании вины отдельных индивидов (тем самым делая невозможным распределение вины среди всех членов общества). Даже литовские либералы не испытывают трудности с переводом дискурса люстрации на язык закона и законодательства, зиждущегося на аргументах морального и этического толка и нелиберальной презумпции вины.

С другой стороны, литовские элиты чувствительны к визуализации⁹ и объективизации советского опыта и памяти. Они пытаются информировать население и рационализировать знание о советском прошлом, а также сократить количество источников произвольного получения информации (так как те имеют отношение к области эстетического и воздействуют на эмоции, а также коллективное воображение и приводят к возникновению мифов).

Заключение

Историческая память формируется не в умах отдельных акторов, а в общественном дискурсе и сообщениях, прозвучавших в политических дискуссиях. Из феминистских практик мы знаем о технике «повышения уровня самосознания», а также о том, что саморазвитие не может быть осознано вне политически и символически структурированного социального контекста.

Посткоммунистические дискурсивные подходы и институциональные практики, связанные с переосмыслением советского прошлого, сходны с феминистской задачей освобождения индивида от формирования искаженной идентичности (посредством советских призраков, обитающих в обществе, или в контексте культур мужского доминирования).

В посткоммунистической Литве различные группы политической элиты предлагают свои интерпретации советского прошлого. Среди них нет единого мнения даже спустя двадцать лет после распада СССР. За частичным исключением консервативных и антиностальгических лидеров, объединившихся с некоторыми представителями популистских групп, среди литовских политических элит не существует строго партийного разделения по взглядам на советский опыт. Члены других политических движений (социал-демократы, либералы и популисты) рознятся в своей оценке советского прошлого, но они не равнодушны к данной теме.

⁹ В этом отношении литовские элиты выделяются среди других элит посткоммунистического пространства стремлением «контролировать неподконтрольное» и распространять свои полномочия на область визуального. Закон о политических кампаниях (принят в июне 2008 г.), запрещающий политическую рекламу на телевидении и разрешающий демонстрацию наглядных политических материалов только в специально отведенных местах, был пересмотрен, а большинство ограничений было снято с 30 сентября 2010 г.

Данное исследование не дает возможности эмпирически продемонстрировать то, что за двадцать лет произошла гомогенизация установок политических элит. Тем не менее анализ принятых законов и проводимой государственной политики, наряду с изучением позиций политических элит на предвыборных дебатах 2012 г. позволяет утверждать, что в Литве преобладают антиностальгические, негативные оценки советского опыта. Социал-демократы, либералы и популисты частично призывают к более терпимому отношению к советскому прошлому, но эти попытки не находят отклика у литовских элит в целом.

Расшифровка сокращений политических партий Литвы, упоминаемых в статье

TS — LKD — Союз Отечества — литовские христианские демократы;
LCP — Центристская партия;
ЛЛ — партия «Молодая Литва»;
DP — Партия труда;
TPP — Партия национального возрождения;
ТТ — партия «Порядок и справедливость»;
LSDP — Социал-демократическая партия Литвы,
LSDS — Союз социал-демократов Литвы;
LiCS — Союз либералов и центра;
LRLS — Движение либералов Литовский Республики;
NS — партия «Новый союз».

Список литературы

1. *Bauman Z.* In search of politics. Stanford, 1999.
2. *Boyd C. P.* The politics of history and memory in democratic Spain // The annals of the American academy of political and social science. 2008. №617. P. 133—149.
3. *Gaidys V.* Lietuvos gyventojų partinės preferencijos 2004—2005 m. Praeities ir dabarties vertinimas, ateities lūkesčiai' in Lietuva. Vilnius, 2005.
4. *Eyerman R.* Cultural Trauma: slavery and the formation of African American identity. Cambridge, 2001.
5. *Heisler M. O.* Challenged histories and collective self-concepts: politics in history, memory, and time // The annals of the American academy of political and social science. 2008. №617. P. 199—213.
6. *Kratochwil F.* History, action and identity: Revisiting the “second” great debate and assessing its importance for social theory// European Journal of International Relations. 2006. Vol. 12, №1. P. 5—29.
7. *Matonyte I.* Why the notion of social justice is quasi-absent from the public discourse in post-communist Lithuania // Journal of Baltic Studies. 2006. Vol. 37, №4. P. 388—411.
8. *Matonyte I.* Ex-nomeklatura and ex-dissidents in the post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland // Viesoji politika ir administravimas. 2009. №29. P. 28—40.
9. *Matonyte I.* «Elites» Games in the Field of Memory: Insights from Lithuania // History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe. Memory Games / eds. G. Min, L. Neumayer. L., 2013. P. 105—120.

10. *Ramonaite A.* The end of the Left-Right discourse in Lithuania? // *Lithuanian Political Science Yearbook 2002*. 2003. P. 23—45.
11. *Smelser Neil J.* Psychological trauma and cultural trauma // Jeffrey A., Smelser Neil J. *Cultural trauma*. California, 2001.
12. *Smith R. M.* Stories of peoplehood: The politics and morals of political membership. Cambridge, 2003.
13. *Unikaite I.* Rinkimų kampanijos sąsajos su rinkimų rezultatais: LR Seimo rinkimų (1996—2004 m.) atvejis. Kaunas, 2007.
14. *Xue H., Wooley M.* Collective Memory and Nostalgia. A New Perspective on Affective Design Strategy for the Chinese Market, Seoul, IASDR 2009 (International Association of Societies of Design Research): conference paper. Korea, 2008.
15. *Velikonja M.* Lost in Transition: Nostalgia for Socialism in Post-socialist Countries // *East European Politics and Societies*. 2009. №23. P. 535—551.
16. *Walzer M.* Thick and thin: Moral argument at home and abroad. Notre Dame, 1994.
17. *Winter J.* The generation of memory: Reflections on the “memory boom” in contemporary historical studies // *Bulletin of the German Historical Institute*. 2000. №27. P. 69—92.
18. *Žalimas D.* SSRS okupacijos žalos atlyginimo įstatymas ir Rusijos Federacijos atsakomybės tarptautiniai teisiniai pagrindai // *Politologija*. 2006. Vol. 4, №44. P. 3—53.

Об авторе

Ирмина Матоните, профессор, ISM университет управления и экономики, Вильнюс, Литва.

E-mail: irmmat@ism.lt

POLITICAL RECONSIDERATION OF THE SOVIET PAST: ATTITUDES AND ACTIONS OF THE LITHUANIAN ELITES

I. Matonyte

ISM University of Management and Economics
18, Arkliu Str., Vilnius, LT — 01129, Lithuania

Received on March 11, 2013

Different political elite groups of post-communist Lithuania offer different accounts of the Soviet past. Even twenty years later, after the collapse of communism Lithuanian politicians (with the exception of certain conservative anti-nostalgic leaders allied with some populists) still do not have a unified and coherent view on the Soviet political and social practices, truths, and methods. However, conservatives are very consistent in their restrictive views about the past and are willing to

engage in propagating decision-making that prevents them from repeating the actions of the past. Social democrats, liberals, and populists are much more internally divided and tend to display lukewarm attitudes towards the Soviet past and its political reconsideration. Yet, the present analysis of the adopted laws and public policies, alongside a study on the attitudes of political elites make it possible to conclude that anti-nostalgia, the negative assessment of the Soviet life-style, criticism of it and attempts to keep the former Soviet decision makers out of Lithuania's public administration are key ways of treating the past in Lithuania. All efforts to accommodate a more permissive attitude towards the Soviet past and civil servants whose career began under the Soviets do not find much support within the Lithuanian elite.

Key words: political elite, memory, anti-nostalgia, collective identity, Soviet past

References

1. Bauman, Z. 1999, *In Search of Politics*, Stanford, Stanford University Press.
2. Boyd Carolyn, P. 2008, The Politics of History and Memory in Democratic Spain, *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, no. 617, p. 133—149.
3. Gaidys, V. 2005, *Lietuvos gyventojų partinės preferencijos 2004—2005 m. Praeities ir dabarties vertinimas, ateities lūkesčiai* in *Lietuva*, Vilnius, Europos Sąjungoje, pirmieji metai (Firidas).
4. Eyerman, R. 2001, *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*, Cambridge, Cambridge University Press.
5. Heisler, M. O. 2008, Challenged Histories and Collective Self-Concepts: Politics in History, Memory, and Time, *ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, no. 617, p. 199—213.
6. Kratochwil, F. 2006, History, action and identity: Revisiting the “second” great debate and assessing its importance for social theory, *European Journal of International Relations*, Vol. 12, no. 1, p. 5—29.
7. Matonyte, I. 2006, Why the Notion of Social Justice is Quasi-Absent from the Public Discourse in Post-Communist Lithuania, *Journal of Baltic Studies*, Vol. XXXVII, no. 4, p. 388—411.
8. Matonyte, I. 2009, Ex-nomeklatura and ex-dissidents in the post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland, *Viesoji politika ir administravimas*, no. 29, p. 28—40.
9. Matonyte, I. 2013, «Elites» Games in the Field of Memory: Insights from Lithuania. In: Mink, G. Neumayer, L. (eds.) *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe. Memory Games*, London, Palgrave Macmillan, p. 105—120.
10. Ramonaite, A. 2003, The end of the Left-Right dicourse in Lithuania? *Lithuanian Political Science Yearbook 2002*, p. 23—45.
11. Smelser, N. J. 2001, Psychological trauma and cultural trauma. In: Jeffrey, C. A., Smelser, N. J. *Cultural trauma*, California, California University Press.
12. Smith, R. M. 2003, *Stories of peoplehood: The politics and morals of political membership*, Cambridge, Cambridge University Press.
13. Unikaite, I. 2007, *Rinkimų kampanijos sąsajos su rinkimų rezultatais: LR Seimo rinkimų (1996—2004 m.) atvejis* [Election Campaigns links with election results: the case of Lithuanian parliament elections (1996—2004)], Kaunas, Vytautas Magnus University.

14. Xue, H., Wooley, M. 2008, Collective Memory and Nostalgia. A New Perspective on Affective Design Strategy for the Chinese Market, Seoul, *IASDR 2009 (International Association of Societies of Design Research) conference paper*.
15. Velikonja, M. 2009, Lost in Transition: Nostalgia for Socialism in Post-socialist Countries, *East European Politics and Societies*, no. 23, p. 535—551.
16. Walzer, M. 1994, *Thick and thin: Moral argument at home and abroad*, Notre Dame, University of Notre Dame Press.
17. Winter, J. 2000, The generation of memory: Reflections on the “memory boom” in contemporary historical studies, *Bulletin of the German Historical Institute*, no. 27, p. 69—92.
18. Žalimas, D. 2006, SSRS okupacijos žalos atlyginimo įstatymas ir Rusijos Federacijos atsakomybės tarptautiniai teisiniai pagrindai, *Politologija*, Vol. 4, no. 44, p. 3—53.

About the author

Prof. Irmina Matonyte, ISM University of Management and Economics, Vilnius, Lithuania.

E-mail: irmmat@ism.lt